

18+

Алиса Орлова-Вязовская

Не было бы
счастья...

Алиса Орлова-Вязовская

Не было бы счастья...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24154006

ISBN 9785448522505

Аннотация

Казалось бы, жизнь героя истории удалась с самого рождения. И по всему Олег Князев – баловень судьбы. Но неожиданно он становится перед мучительным решением: выбирать между самыми родными людьми или на всю жизнь остаться «прицепным» вагоном и катиться по ровной, но чужой для него колее.

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Не было бы счастья...

Алиса Орлова-Вязовская

Дизайнер обложки Марина Михайловна Саенко

Редактор Людмила Яхина

© Алиса Орлова-Вязовская, 2021

© Марина Михайловна Саенко, дизайн обложки, 2021

ISBN 978-5-4485-2250-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Не было бы счастья...

– Ну, спасибо, сыночек, порадовал! – Антонина в сердцах кинула ложку в сковороду, и жирные брызги расплылись по клеёнке.

Олег застыл в дверях, растерянно окинул взглядом сидящих за столом. Отец склонился над тарелкой, опустил глаза и подцепил вилкой картошину, стараясь не звякнуть о тарелку. Бабаля сложила руки на тощем животе, поджала морщинистые губы, в глазах осуждение. На мгновение Олег почувствовал себя как в детстве, когда приходил домой, не зная, что учительница успела сообщить матери о прогуле или плохой отметке. Он нерешительно потёр переносицу, зачем-то поправил воротник рубашки. Вот глупость! Стоит детина под метр восемьдесят ростом и не знает, что делать. Словно детский страх перед матерью так и не прошёл. Машинально глянул на стол – для него тарелку не поставили. Отказ проявить заботу для Антонины было высшим проявление раздражения. Мол, перебьёшься, сам не безрукий, захочешь есть – найдёшь.

– Тонечка... – робко шепнул отец.

– Что надо? – рявкнула мать. – Скоро сорок пять лет как Тонечка! Отстань от меня!

Она с грохотом швырнула грязную сковороду в раковину,

жалобно звякнула чашка.

– Да что же это такое?! Да сколько же тебе, тётка, говорить: ну не ставь ты чашки в раковину на самый низ! – мать расплакалась, кинула полотенце на пол и вышла из кухни. Слышно было, как злобно хлопнула дверь в залу.

– Тонечка, да я ж чего? – выскакивая из-за стола, заголосила бабаня. – Ты же сама чашку поставила, Тонечка... – старуха подскочила к Олегу и зашипела, привстав на цыпочки и грозно размахивая тощим кулачком. – Ирод ты! Чистый вурдалак! Родную мать до чего довёл! А вот сделается с ней инфаркт, попляшешь!

Бабаня засеменила в залу, охая и причитая слезливым голосом, как по покойнику.

– Чего случилось-то? – в надежде уставившись на отца, спросил Олег.

– Да вот... Вырикова Нинка приходила... Угораздило же тебя, сынок. Что и делать-то теперь не знаю.

– Твою ж мать... – с размаху опустившись на стул, просто-нап Олег. – Просил же подождать, хотел как-то подготовить.

– Чего готовить? Небось уже весь посёлок знает. Представь, матери каково? Она ведь такая пава ходила, работу тебе приличную нашла. Думали, вернёшься с армии, в люди выйдешь. А теперь? Ладно, ты это, может, есть хочешь? Так я положу, картошка горячая ещё... мясо... Я пойду гляну, как там. Ох, мать честная, это ещё Лизавета, видать, не в курсе, не то крику-визгу бы до завтра хватило.

Отец, сокрушённо качая головой, неловко вылез из-за стола, но в дверях неожиданно появилась мать с красным заплаканным лицом. Из-за её спины выглядывала бабня с пузырьком корвалола и отчаянным желанием не упустить подробностей семейного скандала.

– Молодец, Олежек! – сердито утирая слёзы, прямо с порога закричала Антонина. – дождалась невестушку! Голодрань нищую! Такая в дом кроме клопов ничего не принесёт! И тёща – завидная! Шушера, приезжая побирушка!

– Тонечка... – робко попытался вставить отец.

– Да помолчи, сам не лучше! – завопила Антонина. – Отец называется! Воспитал дубину: двадцать лет дураку и не знает, на какую бабу залезать! Ой... ой! – опустившись за стол и уронив голову на руки, зарыдала мать.

– Тонечка, доченька! – засустилась бабня. – Капель выпей, Тонечка.

Мать подняла голову и, схватившись за грудь, охнула.

Отец побледнел и метнулся к жене.

– Скорую зовите! – заголосила бабня. – А-а-а-ай, Святые угодники! Помирает! Помирает кровиночка наша, солнце ясное во цвете лет! Лучше бы меня Господь прибрал, курицу старую!

Олег склонился к матери, руки дрожали.

– Мам, ты чего, мама? Плохо, да? Мам, я мигом, я сейчас вызову врача, мам...

– Замамкал, – злобно прошипела Антонина. – Нарочно

не помру, чтобы ты сюда шваль эту подзаборную не привёл! Ноги её в этом доме не будет!

Олег жалобно молча смотрел на мать. По опыту он знал, что в таком состоянии она не станет слушать никаких доводов и оправданий. Хоть бы это все прошло поскорее. Вот лечь спать, а утром просыпаешься – и все уже разрешилось. Отец неловко топтался возле жены, пытался гладить по плечу, монотонно уговаривал выпить лекарство и прилечь. Антонина демонстративно всхлипывала, утирала лицо полотенцем, поданным отцом. Олег с надеждой прислушивался: если мать успокоится, то скандал постепенно утихнет, хотя неприятный разговор не минует всё равно. Но тут в кухню ураганом влетела матьина младшая сестра Лизавета.

Тётка быстро окинула родственников цепким взглядом и, заметив у бабани в руках капли, завизжала:

– У меня вот сердце-вещун! Прямо закололо всё, забилося! Чувствую, беда с сестрой! Ах ты поганец, мать для тебя самый сладкий кусочек сама не доедала, ночей не досыпала! Я к тебе, как к сыну родному: и велосипед купила, и на магнитофон денег дала, а ты!

В затихающий скандал словно дров подкинули. Мать, с отвращением уставившись на полотенце, которым промокала глаза, швырнула его в отца и слезливым голосом заголосила:

– Что ты мне сунул, жалельщик? Это ж кухонное, ты бы мне ещё тряпку половую дал!

Олег тоскливо вышел на балкон вроде как покурить. Отец, понурившись, поплёлся за ним. Оба молчали, стараясь встать ближе к стене. На соседских балконах и во дворе торчали любопытные. Ежу понятно, что сегодня весь дом будет обсуждать, что случилось у Антонины Князевой. Да, да, не в семье Князевых, а именно у Антонины. Отец всегда был просто «Тонин муж» а Олег – «Тонин сын».

По посёлковым меркам семья их была зажиточной уважаемой, но в глазах знакомых и соседей все это благодаря матери. Антонина Князева – человек важный, заметный, из простой поварихи стала заведующей кафе-столовой. Дуру никчёмную на такое место не поставят. А если и прошмыгнёт, то долго не удержится. Тут о-го-го соображать надо и вертеться, и знать, кому улыбнуться, а на кого и прикрикнуть. Начальство Тоню уважает, на собраниях она сидит всегда в президиуме, а не в зале. И собой женщина видная, высокая, плотная, гладкая, ни морщиночки. Тёмные густые волосы доходят до поясницы, и Антонине стоит немалых трудов закручивать их в пучок. Круглый и ровный, как шар, своей тяжестью он заставлял её напрягать шею и слегка закидывать назад голову, что ещё больше придавало матери высокомерный вид неприступной владычицы. К концу дня она мучилась от невыносимой головной боли, но только дома позволяла себе заплести косу и избавиться от целой пригоршни шпилек.

Льстецы уверяли, что Тонечка Князева – вылитая солист-

ка ансамбля «Русская песня», вот как две капельки схожа. И мать, обожавшая Надежду Бабкину, продолжала мучиться от боли, категорически отказываясь сделать стрижку. Муж Антонине Николаевне достался неплохой, но на фоне жены выглядел заурядным, ничем не примечательным мужчиной. Гена Князев слыл старательным хозяйственным и работающим; помочь по-соседски – всегда пожалуйста. Но рядом с женой смотрелся блёкло и несерьёзно. А вот сынок, Князев-младший, внешне уродился в мать. Высокий, крепкий, складный, щёки румяные – был бы блондином, так словно богатырь сказочный. Антонина сыном гордилась. Пусть Олежа в школе звёзд с неба не хватал – это заумные над учебниками годами сидят, а дома жрать нечего. И без диплома можно жизнь наладить – было бы желание – и голова не пустая. Житейская хватка будет понадёжнее книжной науки. Вон ещё пацаном Олег крутился возле отца в гараже. И водить умеет – права получены – и машину может с закрытыми глазами исправить. Теперь, когда армия позади, Антонина рисовала себе радужные картины светлого будущего своего сына. С ней он всегда был послушным, не спорил, к мнению прислушивался, уважал. И восхищённый взгляд, которым он смотрел на мать, ласкал до счастливой радости, что ещё раз подчёркивало Тонину значимость. Начнёт сын работать, осмотрится, потом девушку найдёт приличную. Чтобы и семья хорошая, и голозадая родня на шею не села. Хотя это событие лучше отодвинуть подальше. Делиться сынов-

ней любовью она пока не собиралась. Может быть, когда-нибудь потом... Тем горше и страшнее для Антонины стало появление в их доме Нинки Выриковой. словно судьба решила над ней вдоволь поглумиться. И вместо всегдашних пряников подsunуть кукиш.

Нинкина дочь Лида была полной противоположностью той невестки, на которую надеялась мать. Да и вся Выриковская семейка словно нарочно явилась испортить жизнь ей и Олегу. Не иначе их черти в посёлок Кратово принесли!

Жили себе в далёком Мончегорске и жили бы дальше. Нет, притащились всем табором. Им, видишь ли, наследство досталось от двоюродной бабки. Приличные люди вмиг бы избу-развалюху продали на дрова, пристроили участок в шесть соток соседям и убрались бы восвояси. А эта голодрань позарилась. Как же, до столицы рукой подать, два часа электричкой, небось себя сразу москвичами почувствовали.

То, что Нинка любит поддать – дитю понятно. Морда опухшая, тощие ноги, синие от выступающих вен. Глаза, как у голодной кошки, так и шныряют вокруг, как будто примирятся что стащить. Брошенка с тремя детьми. По слухам, у всех ребят отцы разные, видно, погулять тоже не дура. С грехом пополам пристроилась посудомойкой в буфет станционный – завидная должность. Старшая дочка – нахальная развязная оторва-девка. Средний Вовка живёт всю неделю в интернате, домой только на выходные является. Набедо-

курит от души и снова в интернат. Меньшая Зинка – второклассница вечно с неприбранными волосами и под носом две сопли. И теперь эта паршивая семейка захотела прибрать к рукам Олега! Не жирно ли будет!

То, что сын мог в трезвом уме позариться на Лидку, мать даже думать не хотела. И была совершенного права. Грех с Олегом приключился в приличном подпитии: отмечал с друзьями дембель. Угораздило их собраться у Димки Плотникова в пристройке. Вот обидно, что Антонина тогда не почувствовала никакой угрозы и отнеслась к посиделкам спустя рукава. Сын вернулся из армии – дело молодое; лишь бы не перепились до невменяемости да не сожгли пристройку. То, что там будут девчонки, и разговору не шло. Наверняка эта шалава сама навязалась. Маша и Катерина – бывшие одноклассницы сына – посидели, по рюмочке приняли и по домам, а эта поганка осталась! И теперь выходит, что наглая Лидка в положении. Вырикова-старшая сообщила это так радостно, словно в лотерею выиграла. А что? Оба признались как на духу. Вырикова мигом поняла, что дело нечисто, как только Лидочку на крыльце едва наизнанку не вывернуло. Она ж мать родная, как же не понять, что произошло. Правда, Нинка умолчала, что Лида выложила все лишь в желании не схватить от матери хорошую плюху и наспех сообщила, что Олег Князев жениться обещал. И предусмотрительно умолчав, что хорошится с ним тайком больше месяца.

Антонина еле сдержалась, чтобы не направить Нинку по известному обидному адресу и не спустить с лестницы. Но брошенная, как козырной туз, фраза о том, что Олега и посадить можно, ведь Лиде ещё восемнадцать нет, парализовала мать.

Задыхнувшись, чувствуя, как на висках выступил пот, она прикусила губу и еле выдавила предложение попить чаю. Вырикова с довольной ухмылочкой плюхнулась на стул, расставила тощие локти и начала сверлить взглядом холодильник. А ну как хозяева выставят солидное угощение? Может, Антонина и не пожалела бы заветную баночку икры, что берегли к Пасхе, если бы это помогло навсегда вычеркнуть из жизни всю Выриковскую семейку. Но на столе оказалась керамическая конфетница с постным сахаром и тарелка с баранками. Нинка разочарованно придвинула к себе чашку. Правду говорят: все богатые жадные да скупые. Небось брезгует простой работницей, барыня гладкая! Ну ничего, выйдет Лидочка замуж, попляшете!

Антонине казалось, что она впала в какое-то сонное оцепенение: всё, что говорила гостя, скользило мимо ушей, как вода по клеёнке. В голове билось только два слова: «Олег» и «тюрьма». Сил хватило на наспех придуманное враньё про срочную поездку в районный центр на совещание и брошенное сквозь зубы обещание как-нибудь на днях вновь обговорить, как быть с молодыми. Нинка ушла нехотя, надеялась, что разговор будет долгим, и хозяева, наконец, догадаются

поставить на стол бутылку и закуску. Придя в себя, Тоня на-
кинулась на мужа. Хорош мужик, ни словечка не произнёс,
сидел, как собака: вроде все понимаю, а сказать не могу. Од-
ну её судьба сына волнует? Олег, слава Богу, не безотцов-
щина! И тётка хороша, раз уж всё равно в кухне торчала,
хоть бы голос подала. Родня называется. Все они такие: То-
нечка, Тонечка, а как беда пришла – и нет никого! Вот сест-
ра бы не стерпела, будь Лизавета здесь, лететь бы Выриковой
через три ступеньки на четвертую. Геннадий пытался оправ-
дываться, мямлил что-то несущественное. Бабаня размаши-
сто крестилась, уверяла в своей преданности. Но она же седь-
мая вода на киселе, как в семейное дело вступать? Зато она
хотя бы уберегла от незваной гостьи заветный постный са-
хар. Иначе эта поганка голодушная весь бы умяла.

Антонина внезапно замолчала, лицо помрачнело. Заня-
лась ужином, словно досадное событие разрешилось и об-
суждать нечего. Но пережитое унижение и страх за сына бро-
дило в ней, словно брага. К приходу Олега силы сдерживать-
ся закончились, и вся горечь выплеснулась наружу.

Долгожданную поддержку мать получила только с прихо-
дом сестры. Они удивительно походили друг на друга внеш-
не, хотя та была младше на семь лет. Так же как все члены
семьи, сестра всегда поддерживала Антонину и в любой си-
туации принимала её сторону.

Мать от души и с явным облегчением порыдала в Лизаве-
тину пышную грудь, затем ополоснув лицо холодной водой

и пригладив волосы, начала собирать на стол. Понервничав, и Лиза, и Антонина испытывали приступ голода, аж под ложечкой противно жгло.

Младшая сестра демонстративно кинулась к раковине, начала мыть посуду – хоть что-то для сестры полезное делает. Не то что остальные – стоят, как бараны, того гляди блеять начнут. Бабаня засуетилась, зашмыгала по кухне, вытерла клеёнку, открыла холодильник.

– Тонечка, колбаску-то доставать? – елеиным голосом спросила старуха.

– Доставай, тётка, и сыру нарежь, и вон там у стенки шпроты возьми, чего теперь на праздник беречь, мне уж не до гулянок, – хмуро проронила Антонина.

– Тонечка, – робко и с надеждой шепнул муж. – Может, я того... бутылочку открою?

Лиза и бабаня осуждающе просверлили наглеца взглядом: вот у мужиков одно на уме – лишь бы нажраться!

Но Антонина лишь вяло махнула рукой.

– Открывай уж, снявши голову по волосам не плачут.

– И правильно, – тотчас закивала тётка. – Чего же? Тонечка всегда правильно говорит, уж лучше сами выпьем, чем голодрань всякую угощать.

Лиза сверкнула на бабаню глазами и постучала себе по голове.

– Я в смысле – посидим по-семейному, – заюлила старуха. – В семье по-родственному и водочка слаще.

Антонина словно и не заметила оплошки, сидела, вяло уронив руки на колени. Она чувствовала невыносимую усталость, и ей нравилось, что можно не вставать с места, не заботиться ни о чем, а только смотреть, как суетятся остальные, пытаясь ей угодить.

Олег вернулся с балкона, когда все уже сидели за столом. Всё время он стоял в одиночестве и курил одну папиросу за другой. Теперь слегка подташнивало и хотелось поесть и спрятаться в своей комнате, с головой накрывшись одеялом, как в детстве. Тогда всё казалось простым и понятным, и заранее известным. Отругав за провинность, а иногда в пылу и подзатыльник отвесив, мать непременно заходила в комнату и ласково подтыкала одеяло. Он нарочно лежал с закрытыми глазами, делая вид, что спит. Но по-настоящему никогда не засыпал, пока не дождётся её прихода. Это был знак, что всё закончилось. Прощение получено – и можно смело забыть свои грехи до следующего раза. Теперь по малодушию Олег не рискнул сказать, что встречался с Лидой и после злополучной гулянки. Кто же знал, что так выйдет? Вдруг мать найдёт лучший выход? Лида ему нравилась, но жениться ему и не хотелось совсем.

За столом сидели молча. Отец, преданно заглядывая в глаза жены, осторожно наполнял рюмки. Бабаня, отщипнув хлебный мякиш, подставила его под вилку со шпротиной – не закапать бы маслом клеёнку. Лизавета заботливо подвигала колбасу к сестре. А может, Тонечка сырку хочет или

рыбки положить?

Олег жевал картошку с мясом, не чувствуя вкуса. Выпитая на голодный желудок рюмка водки вызвала равнодушную вялость во всём теле, и лицо, что прежде краснело на любом застолье, стало бледным.

– Так чего эта зараза приходила? – первой нарушила молчание Лизавета.

Мать вновь помрачнела, отодвинула тарелку и впилась взглядом в лицо мужа, мол, ты вроде как глава семьи, ты и рассказывай.

– Да-а-а-а вот, хочет... чтобы, значит, Лидка замуж шла, – пробормотал отец.

– Чего? Замуж? Обхохочешься! Ой держите меня семеро! – деланно рассмеялась Лиза. – Мало ли с кем такое случается, на всех жениться, что ли?

– Она... она... прокурором грозит, вроде как девчонке восемнадцати нету, – боязливо оглядываясь на жену, шепнул Геннадий.

При этих словах Антонина всхлипнула, плечи жалобно поникли.

Младшая сестра хлопнула по столу, аж посуда зазвенела, бранные словечки хлынули из её рта таким потоком, что отец невольно заслушался, уважительно уставившись на свояченицу. Что ни говори, материлась Лизавета красиво, витиевато-сложными словесными конструкциями. А смысл длинного и эмоционального монолога сводился к тому, что Ли-

да девушка недостойного поведения и Выриковой следовало бы лучше воспитывать дочку, а не увлекаться алкоголем. Потом все заговорили разом, молчал только Олег. Его единственным желанием было напиться и рухнуть в постель. Что он может предложить? Вон родители здесь, и тётка с бабаней придумают чего-нибудь.

– Может, ей денег дать, шалаве этой? – деловито намазывая хлеб маслом, предложила Лиза.

– И впрямь, Тонечка! – тотчас закивала бабаня. – Сунем ей денежку, пусть подавится да отстанет, стерва такая.

– А не отстанет? Всю жизнь этой побирушке платить? – буркнула Антонина.

– И то, и то, – сразу согласилась старуха. – Такая хитрозадая эта Вырикова и денежку и приберёт, и прокурору нажалуется.

За столом вновь повисло тягостное молчание. Мать искося бросила взгляд на Олега. На мгновение вместо высокого широкоплечего парня перед ней возник маленький мальчик с тугими щеками и смешными бровками. Теперь, когда сыну грозила настоящая опасность, она совсем перестала обвинять его в случившемся. В Антонине разом выключились все разумные доводы и остался только инстинкт самки, что будет защищать детёныша даже ценой собственной жизни и чужой тоже не пожалеет.

– Ты возьми хоть огурчика... Олег. Пьешь и не закусываешь, – тихо сказала она. – Не морить же себя голодом из-

за всяких...

Он тут же почувствовал, что голос матери стал мягче и виновато жалобно кивнул в ответ.

Бабаня, не зря за глаза прозванная отцом «флюгером», засуежилась, подвинула Олегу заветную баночку со шпротами.

– Внучек, а вот рыбки покушай, лучку-то покрошить тебе? Ой, гляди-ка, люди добрые, парнишка наш белый-белый! Словно сглазили его!

Лизавета не донесла до рта толстый ломоть колбасы.

– Точно! Точно тётка-то говорит! Тонь, эти Выриковы его опоили, факт! Как бы иначе с этой поганью связался?

Мать испуганно уставилась на сестру. Кто его знает, вдруг бабаня права: Олега сглазили и теперь сын начнёт чахнуть и таять на глазах.

– В церкву надо сходить, свечечку поставить, батюшке записку положить о здравии раба Божия Олега, – уверенно произнесла бабаня, – ещё надо бы святой водой комнату окропить и Образ Матушки Семистрельной над кроватью повесить.

В кои-то веки вся семья смотрела и слушала старуху с явным уважением. А что, старые люди в таких вещах лучше разбираются. Да и как ни крути, ни партийный зять, ни кандидат в партию Антонина не смогут пойти в стоящий на отшибе крошечный храм. Словом, без старухи-тетки им никак не обойтись.

А бабаня, явно наслаждаясь всеобщим вниманием и для

пущей важности приложив сухонький тощий палец к губам, прошептала:

– Есть верное средство узнать, сглазили или нет.

– Тьфу на вас! – в сердцах бросил отец. – Умом рехнулись, что ли?

– Молчи! – крикнула Антонина. – Иди отсюда, если такой умный!

– Чо это ты, Гена, разорался? Не на партсобрании сидишь, это семейное дело, – подхватила Лизавета. – Тебя никто в компанию не тянет, иди, вон покури.

Отец хмуро покачал головой и, обреченно махнув рукой, отправился на балкон. Если бабы начали сходить с ума, ничего не поделаешь. Подмигнул сыну, но Олег сделал вид, что не заметил и остался сидеть за столом.

А женщины склонились к бабане и внимательно слушали.

– Ты, Тонечка, возьми два чистых стакана и налей левой рукой в один воды до половинки.

– Из-под крана можно? – тревожно спросила мать.

– Не-е-е-ет, лучше кипячёной, – задумчиво протянула старуха. – Теперь надо, чтобы Олежек пять спичек сжёг над водой.

Лизавета торопливо сунула племяннику в руки коробок.

– Как жечь, бабань? – растерянно спросил парень.

– До конца каждую, чтобы до последней деревяшечки сгорела.

– Я пальцы обожгу! Как их держать-то?

– Вымахал, дубина! – сердито шепнула Лизавета. – Ничего не умеешь! Догорит до половины и возьмёшься за обгорелый конец.

Олег старательно перехватывал горящую спичку, но пару раз действительно обжёгся и едва не выронил её на пол. Мать напряжённо смотрела на происходящее, она готова была сама держать руку над огнем и вытерпеть любую боль, лишь бы удостовериться, что сыну ничего не грозит. Теперь, когда все спички плавали в стакане, женщины поспешили за бабаней к входной двери. Продолжая упиваться своей внезапно свалившейся значимостью, старуха велела Олегу переливать воду из стакана в стакан над дверной ручкой, а сама в благоговейной тишине шептала молитву.

Мать и Лизавета боялись громко вздохнуть, а ну как сейчас явится чудо и откровение. Бабаня взяла у Олега стакан со спичками и, поджав губы, оглядела его со всех сторон.

– Ага! Видали? Вот оно, тут уж и гадать нечего, – победно произнесла она, ставя стакан на стол.

– Чего там, тётъ Варь, не томи уже, сердце выскакивает, – судорожно вздохнув, шепнула Антонина.

– Видишь, одна спичка потонула, видишь? Это точный знак – сглаз на нашего Олежку навели.

Лизавета охнула и придвинулась ближе.

– А если бы все потонули, бабань?

– Ой, это такой сглаз, что свести нельзя. На смерть значит, – деловито ответила старуха. – А у Олежки одна только

и утопла – это тоже сглаз, но не шибко сильный, отмолить можно.

Мать всхлипнула и с надеждой уставилась на бабаню.

– Не плачь, Тонечка, я вот в церкву схожу, только ты денежку дай на свечи, записочку оставлю, водички возьму. Отмолим парнишку нашего.

– Пока вы молиться будете, Вырикова как раз заявку в милицию напишет! – хмуро буркнул отец, вернувшись в кухню.

Лизавета, словно очнувшись, бросила взгляд на сестру. В кои-то веки зять умное сказал: сглаз сглазом, но и с паршивкой малолетней надо что-то решать.

Такую скоропалительную и унылую свадьбу единственного сына Антонины Николаевны никто и ожидать не мог. Впрочем, и сами Князевы даже в страшных снах не видали эдакое представление. Но осуждать всесильную Тоню не торопились. Хотя редкие завистники и смаковали чужую беду, но по-тихому меж собой и шепотком. На людях все понимающе качали головой, скорбно поджав губы. До слёз жаль Антонину и сына Олега. Вина-то его пустяковая, мало ли приключится с пьяным парнем по глупости, по молодости не слишком ли велика расплата за такое дело? Мальчонка у всех на глазах рос, разве за ним когда бывало непотребное? А вот Выриковы эти приезжие – шваль настоящая! Будь их ушлай Лидке восемнадцать, то поминай как звали. Осталась бы матерью-одиночкой, как её мамаша. Отцы ухмылялись, мол, Лида девка ядрёная, фигуристая, молодая, может,

Олег не так уж и прогадал. Матери хмурились: кому такая невестка нужна, на неё только спьяну позаришься и тайком крестились, что в историю вляпались не их сыновья. Посёлковые девчонки кривились и на все лады частили проклятую малолетку. Зараза пришлая, да за Олега каждая бы вышла! Парень симпатичный и семья уважаемая – за такого пойдёшь и как сыр в масле всю жизнь будешь кататься. Ребята откровенно посмеивались – не рассчитал Князев крепость самогона. Гуляли в пристройке вятером, а проснулся с Лидкой один Олег. Сделал дело – и ползи домой хотя бы на четвереньках. Сам виноват.

Антонина денег на свадьбу дала в обрез, чем заставила Нинку Вырикову аж зубами скрипеть. Платье для дочки соорудили впопыхах, переделав взятое у подружки. Гостей пришло до обидного мало, стол бедненький, словно не сын заведующей столовой женился, а сирота из детского дома. В придачу сама Антонина на торжество не явилась. Муж с хмурым лицом побыл только в ЗАГСе. От всей семьи одна лишь тётя с тайным наказом насыпать потихоньку мак под ноги невесте и вслед Нинке Выриковой шепнуть три раза: «поди-пропади за лихой бугор крутой косогор» и незаметно плюнуть через плечо. Все эти напутствия бабани Лизавета с каменным лицом старательно исполнила, вдруг поможет? Словом, Князевы явно дали понять, что свадьба эта – обидное недоразумение и стоит поберечь силы и деньги на нормальную женитьбу, которая их сыну непременно предста-

вится. Нинка предвкушала, как заполнят зал в кафе солидные люди, и она станет с ними на равных, но кроме молодежи и завсегдатаев любых посиделок никого не было. Танцевали под магнитофон, и то пока он плёнку не зажевал. Разошлись до обидного рано, напились до бесчувствия лишь электрик дядя Гриша и новоиспечённая тёща. Лизавета сидела с поджатыми губами, прямая, словно кол проглотила. Если бы не беда с племянником, ноги бы её здесь не было.

Выходило, что Князевы согласились проиграть битву, но выиграть войну. И негласно почти все одобряли Антонину. Что говорить, она баба умная: раз так поступила, значит лучшего решения и не было. По слухам, Лизавета бежала за консультацией к дочери Анны Филипповны. К ней все бегают. Дина – девчонка серьёзная, учится на юриста. Эх, вот бы Олегу такую жену! Пусть невзрачная и худенькая, как заморыш. Зато такой невесткой похвалиться – одно удовольствие. Да что теперь говорить. Главное, что парня не привлекут, а то, что он на восемнадцать лет увязнет с алиментами, Бог с ним, не смертельно.

Мать искренне надеялась, что стоит заткнуть рот Выриковым свидетельством о браке, как всё войдёт в свою колею. Олег станет жить дома, не потащат же его милиционеры насильно к навязанной жене? А после рождения ребёнка можно и вовсе на развод подать. Сын сможет устроить свою жизнь как положено, по-людски. Вот ведь обидно до слёз, что этой вертлявой шалопутной Лидке через полтора месяца

да после свадьбы восемнадцать стукнет! Вляпался Олежек по глупости, словно дачник приезжий, что пока на красоты природные пялился, в аккурат в коровью лепёху ступил. Внезапный отказ сына вернуться домой без Лидки Антонина восприняла как самое страшное предательство. Растерялась настолько, что не смогла ни голос повесить, ни замахнуться. Не мог Олег в здравом уме поменять семью на паршивую голодрань! Неужто старуха-тётка права, и сына продолжают опаивать приворотным зельем? Ну как бы там ни было, такую, как Антонина Князева, сломать за здорово живёшь не получится, обрыбитесь, новые родственнички, не дождётесь. Сын одумается и вернётся с покаянием, она знает, точно знает. А пока надо собраться и выстоять. Правда на её стороне и люди на её стороне, если кто и выставит себя на потеху, то уж точно не она. Всё, пока Олег не явится с повинной – разговору нет! Мать, слава Богу, без его поддержки пока что обойдется, а вот он – навряд ли.

Князев-младший, конечно, понимал, что поступок его отчаянный: впервые в жизни решился матери перечить. Несколько дней он действительно мучился от собственного решения. Ведь никакой такой сильной любви к Лиде нет, ради чего этот глупый бунт? Неужели всего лишь попытка доказать, что он уже вырос и лучше знает как жить? Отчего-то вспомнилось, как в пятом классе мать не пустила его в поход. Лето выдалось дождливым, а Олег последнюю неделю четверти пролежал с ангиной. Кое-как собрав отцовский

рюкзак, он ушёл тайком в надежде отыскать одноклассников. Тогда это тоже было бунтом: он пытался доказать, что не размазня и не маменькин сынок. Конечно, закончилось всё неудачно. Своих не нашёл и, увидев, что начало смеркаться и вокруг только деревья, заревел во весь голос. На счастье, по тропинке ехал Сеня-бухгалтер и, усадив Олега на велосипедную раму впереди себя, доставил мальчишку домой. Мать, красная от гнева, влепила отроку подряд две звонкие оплеухи, а после расплакалась и долго прижимала к себе, причитая и покачиваясь вместе с ним, словно малыша убаюкивала.

Ладно, теперь-то чего? Вернуться домой, выставить себя дураком перед всеми. Вроде как мамка велела жениться, и она же приказала развестись. Стать посмешищем на весь посёлок и районный центр в придачу. А может, все само как-нибудь удачно сложится и разрешится? Главное, это удачное разрешение избавит его от выбора. Для Олега одинаково ненавистно было принимать решения или выбирать. Он уже одно решение принял и хватит – хорошего понемножку. Лида в жены навязалась? Ну вот пусть и думает.

Олег ещё в школе нравился девочкам, но сам инициативу никогда не проявлял: вроде все хорошие, а вдруг лучше найдётся? И даже гордился, что, уходя в армию, не оставил какую-нибудь девушку с обещанием верности. На кой себе нервы трепать: дождётся-не дождётся. Он видел, как искренне переживали его сослуживцы, узнав об измене. Как сбежал

в самоволку Витя Мансуров, как Никиту Повелко едва успели вытащить из петли. Олега так и распирало от гордости за свою предусмотрительность. И прапорщик Воронин с циничной ухмылочкой повторял, что бабы народ ненадёжный, рядовой Князев всё правильно меркует. Фуражка на голове ладно сидит, когда рога не мешают.

Навязанная женитьба словно избавила Олега от долгих ухаживаний, от боязни, что выбранная им девушка окажется не лучше других, чего тогда выгадал? И не особо хотелось выписывать кренделя и показаться смешным во время ухаживания. Пусть впопыхах, но дело сделано. Роковая ночь в пристройке в памяти ничего не оставила, не окажись утром Лида рядом с ним. Он смутно вспоминал, как она вилась вокруг него, когда только за стол сели. Ему это польстило, начал выпендриваться, наливал себе в стакан, не дожидаясь тостов. Во время танцев нахально прижимал к себе, не замечая, что бывшие одноклассницы губы поджали. Последнее, что помнил, как целовался с Лидой на крыльце пристройки, и она, словно поощряя, тихонько хихикала. А раз всё уже произошло, стали встречаться тайком у неё дома, пока Нинка была на работе, а младшая сестра в школе. Вот незадача, что Лидка так глупо просчиталась и залетела! Ведь убеждала, что всё рассчитывает, мол, когда можно, когда нельзя, и ничего не будет. Счетоводка! Но после поспешной женитьбы Олегу даже легче стало, теперь хоть не надо дергаться, что это может случиться. Юная супруга с ухмылкой бро-

сила, что второго младенца ближайшие семь месяцев точно не прибавится.

В какой-то момент он даже испытал к Лиде благодарность. Лишила долгих уговоров, походов в кино и проводов до ночи, не требует глупых и смешных для посторонних секретных слов, что произносятся в сокровенные моменты. Бумажку из ЗАГСа получила и довольна.

Антонина вела себя сурово: роль накрепко и несправедливо обиженной женщины захватила её целиком. Начальницей она ласковой никогда и не была, но теперь при ней поварихи и подавальщицы боялись лишней раз засмеяться или шептать на ухо собственные секреты: вдруг решит, что сплетничают про женитьбу сына. Хотя, конечно, сплетничали, что ж, они не люди, что ли, о соседях поговорить? Главное, чтобы начальница не узнала, не услышала, не подумала. С матерью Олег даже на улице не пересекался, дом Выриковых стоял в старой части посёлка ближе к дачам; путные люди давно оттуда переселились в добротные трёхэтажки. Здесь остались лишь несколько стариков, что ни в какую не соглашались покинуть насиженное место, да никудышные хозяева вроде Нинки. Выделялся лишь аккуратный дом бабки Варвары, что доводилась Антонине троюродной тёткой. Баба-ня предпочитала по полгода гостить то у Тонечки, то у Лизоньки. В квартире-то куда лучше живётся и поговорить есть с кем. Свой дом баба-ня сдавала киномеханику Диме с женой и дочкой. Семья тихая аккуратная, деньги всегда вове-

мя платят, пусть себе живут. А тётке Варваре с племянницами веселее. У Тонечки вкусная еда, продукты дефицитные, спать стелют в зале на диване, под богатым пёстрым ковром во всю стену. Лизавета готовить не охотница, но у неё телевизор большой. К тому же она в парикмахерской работает, всегда все новости с пылу с жару. Хотя из дому не выходит – всё про всех известно. Кто ж от такой интересной жизни откажется? Теперь из любопытства бабаня зачастила проводить квартирантов. И нарочно замешкавшись у калитки, дождалась, когда на улице появится Нинка Вырикова. Старуха прищурилась и громко, словно на другой берег, крикнула Диминой жене:

– Живите себе, Верочка, сколько надо. Я ведь думала дом-то Олежке отписать, когда женится, а завтра Гена, зять, отвезет меня к нотариусу в город. Тонечке и Лизоньке напополам отпишу. Мне ведь старухе чего надо? Мне лишь бы хорошим людям добро досталось, а не пришлым шалопутам.

Нинка, конечно, прекрасно расслышала послание и в очередной раз скрипнула зубами. Чёрт бы побрал этих Князевых! Лучше бы и впрямь заявку на ихнего обалдуя написала! Весь выигрыш от Лидкиной глупости – что в подоле не принесёт. А такие надежды были. Ни денег, ни почёта. Как жили в развалюхе и перебивались с хлеба на квас, так и остались. Ихняя Лизка оказалась такой же стервой, как её сестра. Не могла причесать новую родню на свадьбу по-человечески! Я, говорит, на дому не работаю, а в парикмахерской

выходной взяла. Врёт, как сивая кобыла! Весь посёлок знает, что она к генеральше бегаёт на дачу. И накрасит, и уложит, и химзавивку сделает. Вот и на неё надо бы сообщить, куда следует, мол, на нетрудовые доходы живёт. Сестра продукты ворует, а Лизка импортную краску нужным людям тащит. Семейка! Она-то почище будет – посудомойка, зато честная, а если и примет когда лишнего, так на свои.

Олег лишь тоскливо выслушивал, как новоявленная тёща с возмущением кляла хапуг, что скоро всю социалистическую собственность растащат и с каждым днём всё больше жалел, что в кои-то веки решил не подчиниться матери. Вот дурак так дурак, ведь знал прекрасно, знал, что неповиновение принесёт кучу проблем и ни на грош радости. Ради чего это, зачем? Ведь он даже не влюблён в Лиду. А со временем она стала его раздражать. Лезет и лезет. Да, он молодой и здоровый парень, но не кролик, в конце концов! Хотя бы раз отказала, чтобы пришлось поугovarивать, как происходит в других семьях. Олег всегда знал: если отец провинился, мать выставит его из спальни ночевать в залу. А если гостит бабаня, то отцу приходилось довольствоваться раскладушкой в кухне. И как батя радовался, когда мать пускала его обратно. Утром после прощения брился и насвистывал песню, глаза блестели, подмигивал бабане и сыну. А Лидка безотказная до тошноты. Расхожая отговорка «у меня голова болит» ей, видать, неизвестна. Ну да чему болеть, если головы нет? Восемь классов закончила и мотается, как... В тех-

никум не пошла, устроилась на почту, через два дня сбежала. Ногу натёрла – ходить тяжело.

Да уж, говоря откровенно, Олега, привыкшего к порядку, весь уклад новой семьи выводил из равновесия. Раскиданные вещи, вечный ворох неглаженного белья на прожжённом уютном старом одеяле. Разбитые доски крыльца, кастрюля с насмерть пригоревшими остатками еды. Даже запах в старом деревянном доме был тоскливым и каким-то кислым. Раздражала младшая сестра Зинка, бесцеремонно заходявшая в их комнату, нудно выклянчивая мелочь на мороженое или кино. Бесил Вовка, что таскал из кармана Олега сигареты и мелкие деньги. И вечные жалобы тёщи на тяжёлую жизнь и при этом абсолютное нежелание хотя бы что-то предпринять. Поначалу он сам взялся за починку дома, испытывая лёгкое сострадание к семье без мужика и желая устроить свой быт более комфортным. Но вся обстановка, словно трясина, погружала в лень, отбивала охоту работать и превращалась в напрасное сотрясение воздуха. Чинёное крыльцо через три дня сломал Вовка, решив прыгнуть с перил на ступеньки. Стиранные после долгих уговоров Лидой кухонные занавески быстро приняли свой обычный затрапезный вид: вся семья по привычке вытирала о них руки.

Дошло до того, что Олег сам перемывал тарелку, прежде чем положить себе надоевшую картошку с куском выгнутой дугой варёной колбасы.

– Лид, ну ладно, мать хоть на работу ходит, ты-то что си-

дишь, как корова не доеная весь день, хоть бы полы помыла! – в сердцах бросил он.

– Ты чо, Олежка! – захлопала густо покрашенными ресницами молодая супруга, и глаза её наполнились слезами. – Я же вчера мыла! Каждый день, что ли, тряпкой махать? Вон вас сколько, шастаете туда-сюда без остановки, а как убирать так Лида!

Чёрная от туши слеза поползла по щеке. Взгляд укоризненный: на беременную женщину решил всю работу свалить? Может, ей вообще надо полежать, вот только вчера что-то с боку кололо, а выкидыш случится, что тогда? Избаловали его дома: замашки как у барина.

Лида начинала всхлипывать, уткнувшись в многострадальную занавеску. Олегу становилось её жалко. Молодая, глупая, не умеет как следует хозяйством заниматься. Да её и учить-то некому было, стало быть, и вины её нет. Надо как-то помягче, поласковей, что ли. Он гладил её по голове, начинал утешать. Лида тут же успокаивалась и прижималась к мужу. И желая показать, что вовсе не против чистоты и порядка и вполне готова на уступки ради мира в семье, тут же отвесила звонкую оплеуху Зинке, вернувшейся со школы.

– Куда в ботинках прёшься, что, в свинарник пришла? Иди, тапки надень и сопли вытри, ходишь, как эта!

Младшая сестра злобно сощурилась и, метнувшись в коридор, прошипела:

– Тоже ещё раскричалась, ходит сиськами трясёт, как дед-

ки Митина коза!

Олег поморщился: воспитатель из Лиды отменный. Хотя, сказать по-честному, его тоже раздражает привычка жены разгуливать по дому в сарафане с прорехой под мышкой. Молочно-белая отяжелевшая грудь с выступившими под кожей голубоватыми венами виднеется всякий раз, когда жена поднимает руку вверх или тянется что-то достать. Зато глаза Лида красит с самого утра, усевшись за стол с потрескавшейся клеёнкой и, отодвинув грязную посуду, она старательно плюет на чёрный кубик туши и, приоткрыв рот, водит щёткой по ресницам. А затем булавкой педантично расщепляет слипшиеся волосы. Так же старательно она накручивает тонкие русые волосы на термобигуди, вылавливая их кончиком расчески из кастрюли с кипятком, в которой потом спокойно поставит варить макароны.

О том, что не видать Олегу обещанной матерью работы, смущаясь, сообщил отец. Так вот, дело-то какое, всё на мази было. Иван Ефимович, директоров водитель, на пенсию собирался. Тонечка за сына слово замолвила, и вроде даже директор согласный был. А теперь отчего-то ж раздумал Ефимыч на пенсию идти, выходит. Мужик крепкий, чего хорошую должность бросать? А материной вины тут и нет вовсе, кто ж знал, что так выйдет?

Отец так горячо и многословно убеждал в непричастности матери к потере работы, что Олег лишь хмуро кивнул в ответ. Может, он и небольшого ума, но тут и ребятенку понят-

но: Антонина Князева не простит измену никому, даже собственному сыну. Отец, как всегда, помявшись, и шёпотом, словно жена могла слышать, сказал, что поспрашивал знакомых. Если сын не возражает, можно водителем рейсового автобуса пойти. Сам Гена Князев возил отдыхающих со станции к дому отдыха «Озерки». А Олегу в случае согласия придётся кружить между станцией и посёлком. Сын вновь промолчал, только кивнул согласно. Как ни крути, а на работу идти надо, не на тётшину же копеечную зарплату сидеть. Да и завидной работой в небольшом посёлке считалось пристроиться в немногочисленные санатории, а все хорошие места давно заняты. И в отличие от отцовской должности, зарплата будет меньше, машина хуже и престижу никакого. Старый выдавший виды автобус с облезлыми вытертыми сидениями и облупившейся краской, пропитанный накрепко потом и бензином. Конечно, не о таком месте мечтал Олег после армии. Он уже словно чувствовал себя за баранкой светло-серой волги с бежевыми сидениями и чистеньким ковриком у пассажирского места.

По первости Олег в таком напряжении вёл машину, что к концу дня чувствовал себя совершенно разбитым и, вяло прожевав очередную безвкусную мешанину, наспех состряпанную женой или тётшей, падал в постель и тотчас засыпал. На что Лида обиженно надувала губы и попрекала мужа невниманием. Вскоре Олег стал работать спокойнее, быстро научился бойко переругиваться с пассажирами, что

возмущались долгим ожиданием и нехваткой мест. Автобусов в парке всего три, один вечно в ремонте. Не нравится, идите пешком или разъезжайте на такси, как в Москве. Скажите спасибо, что он каждое утро сам машину проверяет и везёт аккуратно, а не как сменщик Худяков, что на каждой выбоине подпрыгивает и к концу маршрута можно наставить синяков и раздавить малину, которую целыми корзинами посёлковые волокли к станции. На работе Олега хвалили за аккуратность, исполнительность. Через полгода даже выпел вручили. Он висел на боковом стекле, пока не выгорел, и буквы стало не разобрать. За резинку рамы лобового стекла Олег по примеру остальных водителей вставлял десятикопеечные монеты и сбоку прикрепил маленькую фотографию Людмилы Гурченко в красивом платье, намеренно потеснив иностранную грудастую девицу, приклеенную Худяковым. Эта девица, беззастенчиво выставленная бюст, почему-то напоминала Лиду.

Теперь, когда талия у жены окончательно исчезла и торчащий живот с натянутой кожей и просвечивающими тонкими дорожками сосудов словно нарочно лез в глаза, Олег стал испытывать к ней какую-то странную брезгливую жалость. Она совершенно перестала волновать как женщина, будто просто родственница, что мучается от тяжёлой хвори и надо бы посочувствовать.

Домашние дела также перестали его интересовать, теперь он не сдерживался и охотно затевал перебранку с женой и тё-

щей. Выговаривал Зинке и пару раз съездил подзатыльник Вовке, обнаружив очередную пропажу сигарет. Лида по привычке пыталась всхлипывать, но с удивлением заметила, что слёзы Олега больше не трогают: молодой супруг лишь кривит губы и спокойно отправляется курить на по-прежнему сломанное крыльцо. Это стоило того, чтобы задуматься и даже неприятный холодок почувствовать. А ну как свекровь окажется сильнее, и Олег с чистой душой вернётся под мамкино крылышко. Развод ничем ему не грозит: ну, покивают, фальшиво нахмурясь на комсомольском собрании, ну, алименты вычтут, но насильно жить с женой его не заставит ни прокурор, ни милиция. И станет она в точности как мать-брошенка. Лида на себе успела прочувствовать, с каким пренебрежением смотрят на таких, как они. Если Олег уйдёт, то на её несчастную голову с лихвой обрушится пренебрежение соседей, вечная нехватка денег и беспросветная жизнь разведёнки с хвостом. Вот ещё не хватало! Зря она, что ли, так умненько прихватила Князева? Он прямо как сказочный принц к заколдованной царевне явился. Она уже успела погулять с Игорьком, а потом с Димкой и никакого впечатления на них не произвела. Димка нагловатый и разбитной парень, сразу дал понять, что дальше встреч в пристройке дело не двинется. А Игорь и вовсе обидно погнал вашей, узнав, что ей восемнадцати нет. Девчонки в свою компанию брали неохотно – пришлая чужая. Вот и увязалась за теми, кто старше. Бывшие одноклассницы Олега понача-

лу даже пожалели: девчонка молоденькая, ни друзей, ни знакомых, да и мать пропащая. Кто ж ей, бедолаге, подскажет, что юбка слишком короткая и глаза намазаны не по возрасту? Лида охотно жаловалась на тяжёлую жизнь, на неустроенный быт, плела рассказы, как замечательно они на севере жили, да чёрт дёрнул дальнюю родственницу помереть и оставить дом. Они, может, и не решились бы на поездку, у них там всё устроено было, не хуже, чем у людей, да вроде Зинке суровый климат вреден: здесь-то вечно в соплях, а там и подавно. И по Лидкиному выходило, что в далеком Мончегорске они оставили райскую жизнь, сытую и богатую. Большие деньги и устроенный быт. Девчонки уши развесили, пока ушлая малолетка не сманила вернувшегося из армии Олега Князева. Да уж потом проклинали поганку приезжую на все лады и некоторые даже поплакали в подушку из-за здорово живёшь уведённого из-под носу перспективного жениха, да после драки кулаками не машут. Чего теперь, пригрели змею на груди! И Лидина чисто женская интуиция явно подсказывала, что стоит всем узнать, что Олег ушёл, охотниц на него сбежится предостаточно – лопатой не перекидаешь. Хотя в глубине души Лида мужа немного презирала: так легко поверил, что первым был. Ну и сам виноват – пить надо было меньше. В любом случае упустить его из рук стало бы большой и непростительной ошибкой. Мать при всей злости на Тоньку Князеву вполне разделяла дочкино стремление держать мужа намертво, что бы ни слу-

чилося. Даже если со временем Олег начнёт грубить или руку подымет — не страшно. Бьёт — значит любит. Пара синяков семейной жизни не помеха, главное — не остаться с дитём без мужа, тем более такого, как дубина Олежек. Тонька стерва тоже не вечная, а как наследство получать придётся? Аж дыхание схватывает, сколько можно добра поиметь. Ведь ихняя Лизка тоже не нищая вдова, да ещё и бездетная. Стало быть, Олегу остаётся готовить закрома для щедрого наследства, а если ещё добавить подлую старушонку тётку Варю, так оставшиеся годы можно всей семьёй в потолок плевать, только и делать, что денежки пересчитывать. И Лида должна по возможности терпеть мужнину придурь и потакать во всём, надо будет — ещё детишек народит, чтобы уж точно уйти не смог. Норов свой не показывать, замашки прежние оставить и не быть душой еловой, если уж судьба пряничка поднесла. Лида на материны слова согласно кивала, крашеными глазками хлопала и продолжала старательно наводить красоту, чтобы муж на других не зарился. Исподволь вкрадчиво, словно кошка, она прижималась щекой к груди мужа и горестным голоском жаловалась, что старается изо всех сил уют дома навести, да где уж ей одной? Брат с сестрой привыкли к беспорядку, да и мать не лучше. Вот если бы они жили отдельно от родни, то и проблема решилась бы сама собой. Олег задумывался, тёр подбородок, хмурил брови. Пожалуй, жена права. В этой развалюхе сколько ни делай, порядка не будет. И Вовка с Зинкой бол-

таются, как... Про тещу и говорить нечего, та ещё чистюля: из одной и той же тарелки может несколько раз поесть, вывалит очередную мешанину и пальцем по краям оботрет, вроде как в чистую положила – тьфу, весь аппетит на раз отобьёт. Но в свой любовно устроенный родителями дом вход закрыт. Мать действительно на порог не пустит. Бабаня из солидарности нипочём не уступит своё жильё. К тому же квартиранты деньги дают исправно, а с внука вроде не возьмёшь. И тут помощь неожиданно явилась откуда не ждали. На станции к автобусу подошла Лизавета, наспех сочинила историю, что по каким-то неотложным делам ездила в город. Олег понял, тётка смягчилась и старательно ищет причину, чтобы расспросить о жизни, а может даже посочувствовать или совет дать.

С самого рождения тётка ругала его за шалости громче мамки родной, но прощала гораздо раньше сестры и как отступной за наказание покупала дорогую игрушку или давала денег на мороженое и кино. Племянник тут же изобразил слабую улыбку, и взгляд стал виновато-простодушным. Лизавета уселась рядом, заботливо поправила парню заломившийся ворот рубашки. Повздыхала, как он осунулся и плохо выбрит. Олег, продолжая изображать раскаявшегося грешника, грустно посетовал, что живёт с молодой женой вполне себе неплохо, да вот беда, родня, конечно, не удалась. Сколько Лида ни чистит, ни моет, а родственнички мигом загадят. Он ведь и крыльцо починил, и дверь поправил, да семейка

эта никчёмная: им сломать что плюнуть. Словом, они стали бы образцовой семьёй, да некуда податься. Насчёт Лидкиной хозяйственности у тётки, конечно, возникли сомнения, но то, что новая родня – шваль и грязнули, и малому дитю понятно. А что если правда, Олег станет жить отдельно с женой и ребёнком, может, все устаканится, и Тонечка смирится с его выбором. Вдруг девчонка окажется намного лучше своей мамы, бывает же такое. И главное, чтобы Олежке жилось легче, а в развалюхе этой нормальный хозяин и козу не поселит. Она задумалась вновь, поправила племяннику воротник и обещала узнать, мало ли какой вариант повернётся.

Через две недели Олег прохаживался мимо парикмахерской, нарочно отгул взял, как велела Лизавета. В обед она вышла и строго, как постороннему, кивнула: идем, мол, обеденный перерыв не резиновый. Промозглый октябрьский ветер трепал нарядную шёлковую косынку на высокой тёткиной причёске и заставлял Олега наклонять голову, чтобы расслышать нужные, по Лизаветиному мнению, важные условия. Словом, так Ольга Никифоровна, ну библиотекаряша пожилая, да Гуренкова фамилия её, неужели не помнит? Господи, совсем память отшибло после женитьбы? Ну сын у неё Коля, Коля Гуренков, он же в одной с Олегом школе учился, только на три класса старше! Племянник закивал, хотя никак не мог вспомнить Колю Гуренкова. Так вот, Коля ж в Североморске служил. Там и женился, неужели

племянник не помнит? Они ведь две свадьбы играли: одну здесь, другую там, жена Колина – дочка начальника гарнизона ихнего. Вот ведь повезло! Такой родне каждый бы обрадовался. Это тебе не голодрань Вырикова! Заметив, что Олег помрачнел, Лизавета быстро продолжила. Ну ладно, так вот, родился у Коли второй ребеночек. А жена-то его не дура бестолковая, а старшая медсестра в военчасти. Старшему сынишке три, маленькому полгода, куда их? В ясли отдашь, так больше на больничном насидишься. Матери у неё нет, тесть-то Колин вдовый. При этих словах Лизавета сокрушенно вздохнула. Есть же на свете приличные завидные вдовцы! Так вот, дело все в том, что зовёт Николай Гуренков мать на подмогу. А Ольга Никифоровна и рада бы ехать, да страшно пустую квартиру оставить. Она женщина обстоятельная и лишь бы кому нипочём не сдаст. Лизавете стоило большого труда и красноречия, чтобы её убедить. Вроде как она согласная только потому, что Олег – Тонечкин сын и Лизаветин племянник, иначе и разговору не будет. Но деньги переводить копейка в копейку в одно и то же число, и чтобы – ни Боже мой! – квартире урону не было. Ни пылинки, ни соринки, ни царапинки! А раз молодые ребёнка ждут, то пусть за ним ходят неотлучно, она не посмотрит, что дитё неразумное обои где надорвёт или линолеум поцарапает, стрясёт деньги как за новое. Олег едва не подхватил тётку на руки от радости. Да он на всё готов!

Поклявшись Лизе, что мать не узнает, кто помог ему

устроиться, через неделю Олег с Лидой переехали в маленькую двушку на первом этаже. Кирпичная пятиэтажка была расположена в районном центре в тихом дворе неподалёку от станции. Первые дни Лида, несмотря на погрузневшую фигуру и большой живот, из-за которого она собственных ног не видела, словно порхала по новому жилищу, вскрикивала от радости, вертелась перед трюмо. С умилением гладила ковер на стене, любовалась на стеклянную полочку в ванной, с упоением расставляя на ней лак для ногтей, флакон одеколona и торжественно уложила новёхонький кусок мыла «Ландыш» в пластиковую мыльницу. Олег радовался вместе с ней – вот ведь повезло! Хоть каждый день в ванне сиди как дома! И наконец-то можно не торчать в вонючем дощатом сортире, продуваемом всеми ветрами разом. Нинка только губы поджала: конечно, фаянсовый толчок лучше деревянного нужника, кто ж спорит? Да все одно, квартирка-то чужая. А как рассорится хозяйка с невесткой да примчит обратно, получат жильцы под зад коленом. И придут снова к ней: примите, мол, дорогая тёща. Лучше бы Лидин муженёк потребовал у родной мамыши комнату отдать. Он же там прописан, какое право она имеет родного сына не пускать? Опять же жена у него законная, ни какая-то приبلуда-сожительница. Тюфяк, одним словом! Другой бы ещё после свадьбы на своём настоял. Вовка вообще не проявил интереса к новому жилью. Убрались и хорошо ему – лишние подзатыльники ни к чему. Зинка завистливо вздыхала, кружила

вокруг старенького телевизора. Ишь, баре теперь станут кино смотреть, когда захотят, и фигурное катание. Зачем им? Лидка родит ребёнка и пусть вошкается с ним, когда ей смотреть-то?

Лидин хозяйственный запал быстро прошёл. Олега по вечерам вновь ждала груда немытой посуды, только теперь не в тазу, а в раковине. Ванная покрылась мыльными разводами, зеркало – засохшими брызгами. И после работы муж перемывал посуду под жалобы жены на плохое самочувствие. Денег катастрофически не хватало. Олег с каждой зарплаты педантично отправлял хозяйке уговоренную сумму, а остальное отдавал Лиде. При встрече отец совал то трёшку, то пятёрку, утаённую от жены. Вот ведь жалость, что невестка бестолковая, нигде не работала, хотя бы декретные получала! Олег стал подрабатывать в выходные в своём же парке механиком. Узнав об этом, Антонина промолчала, только губы сжала крепче. Ну, если сын за это время в ум не вошёл, что ж, заварил кашу, сам и хлебай полной ложкой. Она не призналась бы ни за что: ей вовсе невозможно знать, как сын надрывается ради пустяковой зарплаты. Для кого? Добро бы копил на машину, а то всё через свою глупую упёртость и поганую голодрань – Выриковское отродье!

На новый год неожиданно в гости завалилась Лидина семья. Олега аж перекосило. Хотел тихо вдвоём с женой посидеть, хотя бы немного отдохнуть. Да и ей вот-вот рожать, какие ещё гости. Ну да как же, а голубой огонёк смотреть? Зин-

ка прямо с порога метнулась к телевизору, плюхнулась на кушетку – домкратом не поднять. Вовка развалился за столом, подгонял мать и сестру, чтобы быстрее накрывали – с голодухи помрешь, пока дождешься. Мрачный Олег лишь смотрел с тоской, как исчезают из холодильника с трудом купленные деликатесы. Нинка с умильной улыбочкой крошила овощи для салата. А чего это зятьёк невесёлый? Новый год — праздник семейный, Лидочка, слава Богу, не сирота. Конечно, есть такие родители, что и в праздник о кровном дитя не вспомнят, но она не из таковых. И зять ей почти сынок родной, вот и встретят новый год в кругу семьи, как положено. Олег накинул куртку и долго курил на площадке, слушая, как за соседскими дверями раздаётся смех, детские голоса и музыка. У Павловых телевизор работал так громко, что выступление Авдотьи Никитичны и Вероники Маврикиевны он сумел выслушать целиком.

Не исправило настроение ни еда, ни щедро наполняемая тёщей рюмка. Лида сидела довольная, смеялась до слёз над выступлением Геннадия Хазанова и весь вечер повторяла его фразу: «...Чего в супе не хватает? Хлеба». Как пластинка заезженная! Выпила, что ли? Раздражённо смотрел, как жена вновь тянется за шампанским. С ума сошла, что ли, вон сидро стоит.

– Ой, да я немножко, – рассмеялась Лида, глядя на хмурого мужа. – Я ж не водку наливаю.

– И то правда, зятьёк, – подхватила Нинка. – Это ж вино,

какой от него вред-то будет? На последнем месяце даже врачи разрешают. Я вот и с Лидочкой вино пила, и когда Вову носила, и Зиночку...

– Вот и народились дураки! – не сдержавшись бросил Олег.

Лида без всякого перехода от смеха заревела в голос. Ну точно, пьяная совсем.

Тёща зашипела, мол, дождались праздника по-семейному, совсем сбрендил так над беременной женой изгаляться? Вовка с Зинкой даже головы не повернули – пусть себе орут, телевизор работает – и ладно. Олег отшвырнул стул, выскочил на площадку даже пиджак не накинув. Пока курил, аж трясло всего: то ли от холода, то ли от злости. Вернулся в квартиру и молча сел за стол, стараясь не встречаться ни с кем взглядом. Лида успела успокоиться и размазанную косметику подправить. Виновато ловила взгляд мужа и сидела тихая, словно и не было ничего. Что случилось, пока его не было, Олег не узнал, но под утро, еле держась на ногах, тёща с Вовкой и Зинкой убрались восвояси.

Но отдохнуть Олегу так и не удалось. То ли Лида и впрямь понервничала, то ли шампанское помогло, но буквально через час после ухода родни у неё начались схватки. За старой дверью с облупившейся краской и матовым стеклом с переплётом, куда жену отвели на осмотр, слышались Лидины вскрики и сердитые замечания медперсонала. Олег, бледный от волнения, сидел на узенькой банкетке, мял в ру-

ке пачку сигарет и напряжённо прислушивался. Жена вопила на таких высоких нотах, что у него уши закладывало. Господи, неужели это так невыносимо больно? Хотя бы лекарство какое дали или укол сделали! А что если она сейчас умрёт от болевого шока? В армии сослуживец рассказывал про такое: его свояк в аварию попал, зажало в машине и помер бедолага, не дождавшись скорой. Олег судорожно глотнул и вытер выступившие на лбу капельки пота. Лидин визг заглушил сердитый женский голос, велевший прекратить орать на пустом месте. Этот же голос обозвал жену истеричкой. Олегу почему-то стало легче от сердитого голоса и даже страх за Лиду прошёл. Не станет же врач умирающую женщину обзывать истеричкой?

Вышла нянечка.

– Князев вы будете?

Олег кивнул.

– Вещи возьмите, пальто, сапожки, варежки я в карманы сунула, чтобы не обронили.

Он торопливо взял одежду жены и растеряно перекинул пальто через руку.

– Вы часом не Тонечки Князевой сын? – вдруг спросила нянечка.

– Да.

– А то я смотрю, вроде похож на мать. Ой, да ты и сумки-то с собой не взял, ах беда какая! – сразу став ласковой, словно давняя знакомая, заулыбалась женщина. – А я тебе

авоську дам, придёшь жену забирать, отдашь.

Она ловко и аккуратно свернула пальто в сумку и протянула Олегу. Уже в дверях подробно рассказала, когда приходит, что можно принести с собой. Выйдя на крыльцо больницы, он с наслаждением закурил и застыл, подставив лицо крупным хлопьям снега, медленно кружившим в воздухе. Вновь возникло странное и совсем непрошеное чувство, что в глазах окружающих гораздо весомее быть сыном Тонечки, чем зятем Выриковой.

Лида благополучно родила девочку, которую почему-то не посоветовавшись ни с кем назвала Валентиной. Олега неприятно кольнуло: с чего жена единолично приняла такое важное решение. Но спорить не стал. В конце концов, имя как имя, пусть будет Валентина Князева. На работе взял несколько дней в счёт отпуска квартиру подготовить. Заходил отец, принёс деньги, мол, мать велела передать сто рублей. И ещё добавил от себя тридцатку. Пятьдесят рублей дала Лизавета, приложив десятку от бабани. Олег вручил деньги тёще: пусть купит, что там нужно для девочки. Ох дураком оказался покуда некуда! Нашёл кому! Идиот! Надо было тётку просить. Нинка принесла три жалких распашонки и два чепчика из магазина – остальное явно было собрано по соседям и знакомым. Кровать Бочкаревы отдали за десятку, коляску Митины за пятнадцать – не поспоришь, немецкая коляска-то. Митин за ней в прошлом году в Москву ездил и два дня у Детского Мира отмечался. Олег, конечно,

тёще высказал всё, что думает по поводу её хозяйственности, но Нинка поджала губы и ядовито прошипела, что есть матери, которые вообще родную внучку видеть не желают. Да-да. Думают деньгами откупиться от кровиночки родной. Небось появишься Антонина в магазине сама, так вынесли бы импортной одежды целый чемодан, а простым людям из-под прилавка не дают. Завсегда честные люди внакладе остаются, это только блатных в закрома пускают.

К удивлению Олега, Лида оправилась довольно быстро, словно и не она вопила как смертельно раненная в ту ночь. Уложила малышку в кроватку и тотчас метнулась к трюмо, с явным удовольствием оглядывая постройневшую фигуру. Вещи для девочки пересмотрела равнодушно, а импортную коляску одобрила. Богатая вещь – она даже постояла с ней возле зеркала, вскинув голову и победно поглядывая на своё отражение. Это тебе не шелупонь приезжая, а солидная женщина Лида Князева. Что, съели?

Маленькое хмурое существо с красным от рёва личиком отцовских чувств у Олега не вызвало. Вновь лишь жалость с лёгким оттенком брезгливости, как совсем недавно к жене. Наверное, надо подождать немного, и он сможет полюбить дочку как положено, как принято в семьях, где появления этих орущих комочков ждут с нетерпением. Ведь говоря на чистоту, он совсем не хотел так рано заводить детей, тем более от Лиды. Да теперь-то чего, пусть себе растёт на здоровье. Тёща минут десять поворковала над младенцем и шмыг-

нула в кухню собирать на стол. Зинка не скрываясь скривила губы. И чо хорошего? Страшненькая в морщинах, как кукла бракованная, ещё орёт дурным голосом. То ли дело Барби! Летом у одной девочки видела. Барбина владелица сказала, что драгоценную куколку привезли из-за границы и даже поддержать никому не давала – только смотреть. Зинка тогда две ночи не спала, всё думала про заветную игрушку. У неё и крохотные сисечки есть, и даже коленки сгибаются, и волосы ниже попы! Отчаявшись, несчастная Зинка стала продумывать хитрый план кражи красавицы-Барби, что являлась в мечтах, обутая в настоящие сапожки! Но дачники съехали быстрее, чем план осуществился. Оставалось только порыдать горькими слезами и расстаться с самой счастливой мечтой.

Олегу пришлось проставляться на работе. А как же, ножки-то ребёнку надо обмыть. Дома благодаря тёще «ножки обмывали» дня два. Под шумок Вовка выпил целый стакан водки, и его стошнило прямо за столом на хозяйский палас. Олег еле сдержался, чтобы не врезать малолетнему родственничку пару горячих. Успел лишь замахнуться – жена с матерью кинулись на защиту. Совсем озверел бугай! Ребёнку и так плохо, а он замахивается, за чужое добро удавить готов. Думает, если его семья богатая, так можно над простыми людьми изгаляться? Это счастье, что Валечка к евоной матери не попала, а то обмочила бы бархатный диван, и родная бабка придушила бы на месте. Олег хлопнул по столу.

– А ну пошли вон отсюда! – крикнул он и добавил длинную непечатную тираду из Лизаветиных запасов.

И к удивлению, скандал тотчас прекратился. Тёща даже посмотрела уважительно. Вдвоём с Зинкой подхватили икающего подростка под руки и даже дверью не хлопнули – прикрыли тихонечко. Лида тоже промолчала, хотя и нахмурилась. Сидела за столом, ковыряя в салате ложкой, даже не среагировала, что заплакала Валя.

– Оглохла? – грубо бросил муж.

Лида испуганно вскинула на мужа глаза, метнулась к ребёнку. Олег тоскливо оглядел грязную кухню, засохший хлеб на тарелке. Открыл окно настежь, чтобы едкий противный запах выветрился. Заглянул в комнату. Лида так энергично трясла коляску, что у девочки, наверное, голова закружилась – детского плача не слышно. Жена подвинула коляску ближе к дивану и улеглась, отвернувшись к стене.

Олег до ночи наводил порядок в кухне. Тряпку, которой вытирал последствия аварии с юным родственничком, брезгливо выкинул. Не стирать же её после этого.

Рождение ребёнка совсем не заставило Лиду повзрослеть и остепениться. Как наводила красоту с утра, бросив все дела, так и осталось. Тёща появлялась редко, да от её посещений толку всё равно никакого. Такое впечатление, что шастала исключительно поесть. Олегу казалось, что после её прихода холодильник подозрительно пустеет. Первые два месяца он стойко терпел горы посуды и раскиданные по всему

дому вещи. Жена строила жалобные гримасы и убеждала, что ещё не оправилась после родов: то там кольнёт, то здесь ёкнет. И вообще она кормящая мать и имеет полное право не стоять у плиты и раковины весь день напролёт. Неужели Олегу так трудно самому пожарить яичницу или развесить Валушкины пелёнки? Желание помочь у молодого супруга прошло быстро. В конце концов, он не обязан надрываться после работы ещё и дома. В один прекрасный день, уставший и измотанный, обедая взглядом унылую гору белья на диване, покрытый пятнами палас, замусоленный халатик на супруге с подтеками от молока на груди, он устроил настоящий скандал с криком, руганью и далеко не лестными эпитетами в адрес Лиды и всей её семьи.

Жена растерялась. Прежде покладистый парень, который легко поддавался на жалобы, в одночасье превратился в нормального, по её мнению, мужика. А то ходил, нудил, как дурак, маменькин сынок. Теперь – другое дело, это понятнее, ближе, правильней. Если бы Олег, разойдясь в пылу ссоры, отвесил ей плюху, Лида восприняла это как само собой разумеющееся. Она порозовела, метнулась к раковине и до позднего вечера старательно исполняла всё, что положено прилежной жене. Ну не совсем аккуратно, да и Бог с ним, главное, иллюзия уборки бросалась в глаза.

Олегу показалось, что и Валя в эту ночь спала спокойней и захныкала только под утро. Почти удалось выспаться.

Теперь Лида проводила день по своему усмотрению,

а за час-два до прихода мужа суматошно ликвидировала беспорядок и даже умудрялась приготовить ужин. Олег возвращался заранее нахмурившись, проходил в комнату, окидывал взглядом и потом, хмыкнув, молча шёл в кухню и садился за стол. Жена словно ждала этого хмыканья: сигнал дан, вроде огрехов не видно. Таким Олег ей нравился больше сразу. Видно: хозяин пришёл, а не тюфяк-размазня. Есть за что уважать. Тёща старалась при нём не приходить. Видно, Лида успела рассказать о скандале. Ну что ж, наконец-то зятёк в ум вошёл, глядишь, с таким-то характером оттяпает наконец у матери комнату в квартире и на долю дочки выпадет наконец долгожданное счастье. А там и тёща подтянется по родственному.

Наступившее лето, казалось, принесло в семью долгожданный покой. Окна открыты, свежий воздух разгонял запах подгорелой еды и нестираных пелёнок. Лида давно принаоровилась кидать мокрые ползунки и одеяльце сразу на батарею. От этого стирки вроде как меньше и гладить не надо. А раздражение на Валюшкиной попке можно детским кремом смазать. Зато к приходу мужа в ванной и кухне не болтаются пелёнки.

По выходным Олег выходил гулять с дочкой сам. Покружив по двору с коляской, шёл в сторону посёлка, но с половины дороги поворачивал обратно. Отчаянно хотелось, чтобы мать попалась навстречу, и все произошло бы само собой не нарочно. Вроде как случай свёл, но Антонина не появля-

лась. Когда сил надеяться на внезапный случай не осталось, он решился идти домой сам, и будь что будет. Не станет же мать выталкивать его за дверь и кричать как на маленького при внучке.

Во дворе наткнулся на отца. Обнялись как положено. Дед с умилением заглядывал в коляску: ишь, малая-то спит как крепко. Носишко в аккурат как у папки и вроде бровки такие же. Валя выронила пустышку, покрутила головой, наткнулась на потерянную соску и вновь задремала, мерно причмокивая. Олег поднял голову и сразу встретился взглядом с матерью. Она застыла с тряпкой, что приготовилась встряхнуть от крошек. Помолчав с минуту, Антонина быстро окинула глазами двор и соседние балконы и, молча кивнув, скрылась в кухне. Сын глубоко вздохнул, словно нырять собрался и решительно пошёл в подъезд, толкая перед собой коляску.

Олег о времени совсем позабыл, с упоением сидел за столом, ласково оглаживая взглядом каждую знакомую мелочь. От материной сытной еды аж в сон клонить начало. Господи, хорошо-то дома! Бабаня всё подливала и подливала чай в его любимую кружку с синими цветами, придвигала вазочку с конфетами. Отец, стараясь скрыть смущение, говорил без умолку, сыпал шутками, вспоминал анекдоты давно рассказанные и по сто раз слышанные. Но все смеялись словно впервые, мать деланно хмурилась, если анекдот, по её мнению, слишком уж смелый и, махнув на мужа рукой, опуска-

ла голову, чтобы скрыть смех. Заревела проснувшаяся Валя, и все пошли в комнату малую смотреть.

– Глянь, Тонечка, – счастливо улыбаясь, шептал отец. – И глазками на Олега походит, и носиком.

– Походит, походит, как есть копия, – энергично кивала головой бабаня.

Мать молча взяла Валью на руки, провела рукой по спинке. Так и есть – мокрая. Где бельишко-то запасное? Олег растерялся: Лида не положила с собой ничего. И промямлил, что не собирался так долго гулять, вот и не взяли сменку. Антонина нахмурилась, порылась в шкафу, достала простынь и, расстелив на диване, ловко завернула внучку в сухое и чистое. На руках держать больше не стала, уложила в коляску и, поджав губы, шепнула:

– На эту она похожа и волос цветом как у кошки под хвостом. От Олега и нет ничего. Выриковская порода.

– Ой, батюшки-светы, точно! – тотчас поддакнула бабаня. – Ни капельки не похожа, не нашей породы малая-то, ох не нашей.

Олегу вновь стало тоскливо. Вот ведь опять всё вышло не так. А он-то расслабился. И как это мать углядела сходство малышки с Лидой? Он сколько ни вглядывался в мелкие черты, вообще не видел похожего ни на себя, ни на жену. Да, все дети в этом возрасте, наверное, одинаковые, что там искать сходство? Но по всему выходило, что вернуть прежнее отношение не удалось. Хотя... Эх, да он прекрас-

но знает, что должно случиться, чтобы всё пошло по-старому, удобному, родному и привычному. Надо вернуться домой, но без Лиды и дочки. В глазах Антонины эта мысль читалась яснее некуда. Значит, признать своё поражение, материну прозорливость и собственную глупость. Да, жизненного опыта у него маловато, но и такого вполне достаточно, чтобы знать наверняка: никто, даже отъявленный дурак, не признает вслух собственные ошибки. И что делать? Олег слишком уж нарочито посмотрел на часы. Загостились слишком, а Валюшку кормить пора. Антонина даже уговаривать не стала. Сложила мокрые внучкины вещички в пакет, пристроила свёрток в углу коляски. И преспокойно направила дверь открывать. Бабаня шмыгнула в кухню. Тонечка внучку не одобрила и что на неё лишнее время любоваться? Отец, пугливо поглядывая на жену, отправился провожать на улицу, но дальше двора не пошёл, то и дело поднимая голову поглядеть на балкон. Мать не выходила: хватит, что сын пришёл, поел, дочку показал. В глазах окружающих родственный долг исполнен, остальное – лишняя блажь.

Пока шёл домой, мысленно всё возвращался и возвращался в свой дом. Будто кино пересматривал. Всё осталось как при нём, ничегошеньки не поменялось. Даже запах такой, как в детстве. Навевающий уют и основательность. Только теперь Олег остро ощутил, что там дома он был под невидимой защитой от всех напастей, проблем и жизненных неурядиц. И главой этой крепости была мать, что словно королева

защищает своё царство и его жителей. А вне этой крепости он словно улитка без раковины, беззащитный слизняк, на которого валятся все какие ни на есть невзгоды. И к огромному огорчению, вновь надо напрягать душу и мучиться выбором. А как бы хорошо, когда решают за тебя! Валя начала хныкать, наверное, и впрямь проголодалась. Олег покачивал коляску и вдруг застыл прямо посреди тропинки. Mamочka дорогая, так он же не чувствует к дочке ничего, совсем-совсем ничего! То есть, если Лида вдруг исчезла бы из его жизни вместе с Вале́й, ему стало бы всё равно, где они. Неужели не скучал бы даже? Он на мгновение задумался, даже глаза прикрыл. Нет, не скучал бы. Эта унылая и наспех созданная семья не стала родной даже после рождения ребёнка. Родная семья осталась там, в заботливо созданном матерью мирке со своим понятным и удобным уставом. Где счастливо жилось ему, Олегу Князеву, Тонечкиному сыну.

И эта иллюзорная жизнь, что шла для него, словно в полудрёме, продолжалась до следующего лета. Олегу казалось, что он впал в непонятное оцепенение и делает всё механически, не вкладывая в это времяпрепровождение ни сердце, ни душу. Лишь изредка казалось, что случится что-то от него независящее и он проснется и заживёт по-настоящему. Если по первости его добродушного и участливого коробило, что часто стал повышать голос, откровенно и грубо хамить Лиде и теще, то со временем и эта черта стала привычной и обыденной. Разве его вина, что жена нормальной речи не пони-

мает? А так матюгнешься пару раз, и всё встаёт на свои места. Как в детской железной дороге, что когда-то купила мать на новый год. Катится заведённый паровоз по игрушечным рельсам, пока не наскочит на препятствие, и все вагончики валяются набок. И надо вновь ставить их на рельсы, чтобы катились дальше. Леня, что царила в доме тёщи, теперь заняла своё место и в его квартире. Словно нежелание жить полудски, по-правильному, как приучила мать, и Лида, и Нинка распространяли вокруг себя, как плесень. Заведётся в углу потолка грибок, и ползёт по стенам, никакого с ним сладу. Хороший хозяин старательно счищает эдакую напасть да пропитывает заражённое место олифой, но для этого надо хотя бы желать избавиться. А у Олега все желания давно уснули вместе с ним. Даже близость с женой была скучной. Вот уж точно супружеский долг отдал и до следующего раза не беспокоить. Прежние друзья в гости не зовут, кивают при встрече и со словами: «надо бы посидеть, сто лет не видались» вновь пропадают. Олег решительно отказывался принимать, что вокруг него складывается та же брезгливая пустота, что прежде вокруг Выриковых. Он перестал быть частью семьи Антонины Князевой, своей знакомой, всеми уважаемой, а от пришлых, да ещё и неудачников в придачу, лучше быть подальше. Все ж знают, что неудачники словно заразные больные: рядом постоишь и привет – можешь за больничным бежать. И чем больше Олег ощущал себя человеком второго сорта, которых обычно в гости не зовут и дружбой

не гордятся, тем тяжелее для него становилось круто всё поменять. А Лида ничего такого не чувствовала, она обзавелась подругами и уходила на полдня под предлогом с Валюшей погулять. Где она познакомилась с разбитными девицами, живущими по другую сторону железной дороги, не понятно. Света и Ксения были чуть старше неё, и одна из них также сидела в декретном отпуске. У Ксении был маленький ребёнок, а мужей у обеих не было. Лида тотчас почувствовала своё превосходство. Она-то родила в браке, как положено. Ну хоть в чём-то оказалась выше и значительней. Она заметила, как завистливо вспыхивают глаза подружек, когда Лида с довольной ухмылочкой тянула:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.